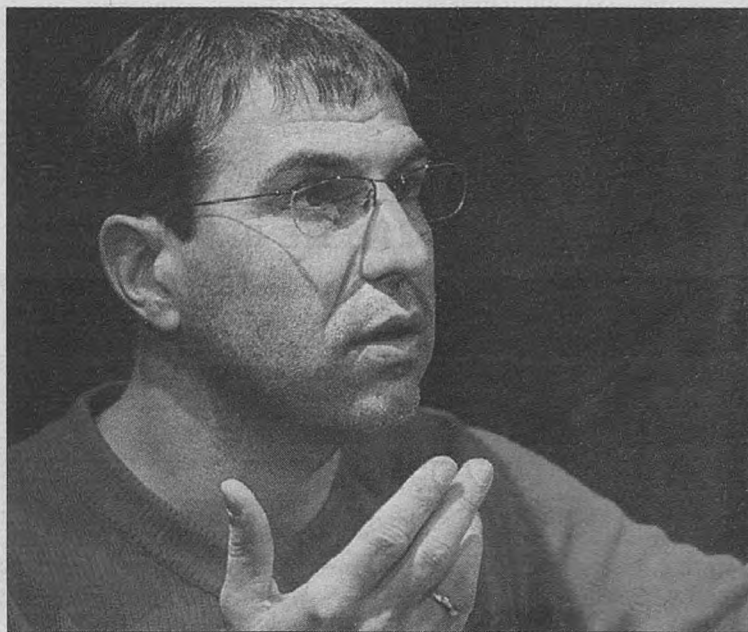

Человек, который знает, как провести день

ЕВГЕНИЙ ГРИШКОВЕЦ ТОЛЬКО ЧТО ВЫПУСТИЛ НОВУЮ КНИГУ РАССКАЗОВ «ПЛАНКА», КОТОРАЯ УСПЕЛА ВОЙТИ В ДЕСЯТКУ ЛИДЕРОВ ПРОДАЖ, ОБОГНАВ «КОД ДА ВИНЧИ» И «МЕМУАРЫ ГЕЙШИ»

ПЕРСОНАЖ

Андрей СОТНИКОВ

О Евгении ГРИШКОВЦЕ не писал разве что ленивый. Лауреат «Золотой маски», «Антибукера», «Триумфа», режиссер, актер и драматург в свои неполные 40 породил новый театральный язык, предъявленный спектаклем «Как я съел собаку». Приехав в Москву из захолустного кузбасского города, Гришковец стремительно вошел в столичную культурную жизнь и, похоже, надолго в ней утвердился. При том, что у него дом в Калининграде, он работает в обеих столицах, гастролирует по всему миру. Недавно посетил Томск, где состоялась первая, еще до московской, презентация его новой книги, выпущенной издательством «Махаон».

— **Что вам удалось легче: короткий рассказ или длинный роман?**

— Рассказ сам меня выбрал. Написав один, я почувствовал вкус. Писательская работа требует серьезной дисциплины, а дисциплинированным быть намного приятнее, чем человеком, который не знает, как провести день. Хотя писать рассказ сложнее, чем длинное произведение. Это, конечно, американское изобретение. В русской литературе сборников рассказов куда меньше, чем романов. Зато теперь я полноформатный писатель. У меня есть роман, повесть, теперь вот книга рассказов. Надеюсь, кого-то они порадуют.

— **Компьютер влияет на творческий процесс?**

— Я плохо владею клавиатурой, но на текст влияет все: и качество ручки, и качество бумаги, и свет, и цвет обоев. У меня очень хороший старый «паркер», который, кажется, сам пишет. Когда я что-то сочиняю, мне нужны идеальные условия. Дети бегают во дворе, ну, думаю, пошел бы, убил.

— **Вы выступаете в разных странах, не собираетесь сделать об этом спектакль?**

— Как бы хорошо я ни ориентировался в европейском пространстве, все равно они для меня будут «они». Во многом мне их стороны жизни неприятны, необъяснимы, непонятны. У меня ощущение, что я среди них человек в скафандре, потому что у меня не было их детства.

— **Тогда почему, прослужив три года в армии на Тихоокеанском флоте, вы уехали за границу?**

— Это был 1988 — 1989 годы, царил всеобщий настрой: все, валим! Я тоже попытался свалить, но, слава богу, вернулся.

— **Что вас там не устроило?**

— Да все. Даже то, что общество намного комфортнее нашего. Я себя сам там не устроил. Ха.

Сейчас очень много людей в провинции болеют чеховской фразой: «В Москву, в Москву». Но ведь по большому счету Москва ничего не решает. Достоинство жить можно где угодно. Москва — предельный российский город, дальше расти некуда. Я болезненно пережил отъезд из родного города. Кемерово — довольно суровый, непростой город, но таким счастливым от иллюзий и надежд 90-х, каким я там был, я уже никогда не буду.

— **Вы не боитесь, что аудитория, которая сегодня вам рукоплещет, завтра останется равнодушной?**

— Я совершенно уверен, что мне осталось лет пять-шесть жизни на сцене, не более.

— **И что вы будете делать потом?**

— Что-нибудь полезное. В театре вообще не бывает, чтобы кто-то остро совпадал со временем больше десяти лет. Театр тесней всего связан со временем, потому что он не фиксирует его, как другие виды искусства, а неразрывен с ним. Настоящий театральный деятель сначала опережает время и становится обидным раздражителем для предшественников и публики. Через какое-то время он совпадает со временем, и тогда его все любят. Потом он переходит в классики, и сам начинает обижаться на всех, переставая ощущать, чем живет улица.

Что будет потом? Можно писать, заниматься кино, играть готовые спектакли, востребованные публикой. Но острого, подлинного существования в театре мне осталось, повторяю, лет пять-шесть, — я этого не боюсь, я это отлично понимаю. Так что все нормально.

— **Вы уверены?**

— В известной степени я уверен только в том, что делаю. Я совсем не уверен, что поступаю правильно дома, в семье, с друзьями, не уверен, что правильно трачу заработанные деньги. Но в том, что я делаю на сцене, я абсолютно уверен. Я всегда стараюсь быть ответственным в выборе того, что мне предлагают. Хотя бывают ситуации, когда трудно отказать хорошему человеку, пусть я и понимаю, что его дело на самом деле обреченное.

— **Кем вы сегодня себя чувствуете — сибиряком, москвичом или калининградцем?**

— Я сибиряк, который в Сибири не живет. Для меня, например, никогда не будет нормальным, как для калининградца, что у меня в саду есть яблоня и на ней вырастают огромные яблоки! Это всегда будет чудом. Или что возле моего дома гнездится аист. Но когда мне показывают какую-то местную речку, она мне кажется жутко маленькой по сравнению с сибирскими.

— **Во время ваших прошлых гастролей в Томске случился инцидент со свитой местного депутата Владимира Жидких. Компания вошла в зал, опоздав на 20 минут, и закатила скандал, а вы остановили спектакль. Это правда, что в самолете вы встретились с Жидких?**

— Правда, причем я первый раз в жизни его увидел. Напиши такое в книге, никто не поверит. Я был вынужден прервать спектакль, потому что посреди представления в зал ввалились какие-то люди и стали отыскивать свои места, которые, естественно, были заняты. Я послал их тогда ко всем бабушкам. А потом мне сказали, что это был Владимир Жидких со свитой, и я его пропесочил на пресс-конференции. Но вроде бы его самого среди этих людей не было. И вот в самолете рядом со мной усаживается человек, и по ходу завязавшейся беседы я ему говорю: «А у меня в прошлом году был курьезный случай в Томске». Я вижу, человек заволновался, даже ушел в туалет. Потом вернулся, говорит: «Не знаю, как вам сказать, но я и есть Жидких».

— **Может ли вас затронуть звездная болезнь?**

— Становясь известным, человек многого лишается, теряет близких людей, остается один, и самое главное — утрачивает свободу. Например, я сегодня знаю, что будет в моей жизни завтра, послезавтра, через месяц и даже через полгода, все мои спектакли и гастрели расписаны на несколько лет вперед. И спрашивается, если я знаю, что со мной будет завтра, зачем мне это завтра? ■